

Александр Бестужев. Декабрист. Патриот. Поэт-романтик

«...у нас нет европейского класса учёных (lettrés, savants),
ибо одно счастье даёт законы обществу,
а наши богачи не слишком учёны,
а учёные вовсе не богаты».
Взгляд на старую и новую словесность в России, 1823

«...жить со всеми в мире, не мешаясь в чужие дела
и не позволяя вступиться в свои...
Россия самобытна... В ней заключается целый мир...»
*Письмо Николаю I из Петропавловской крепости
об историческом ходе свободомыслия в России, 1826*

Александр Александрович Бестужев почти треть жизни провёл на окраинах Российской империи. Поэтому ему было хорошо известно состояние общества и экономики страны в конце царствования Александра I и в первое десятилетие правления Николая I, правления, которое, как известно, закончилось крахом через много лет после безвременной смерти поэта. Прекрасно образованный, обладавший опытом путешествий и развитой интуицией поэт почувствовал возможность подобного краха гораздо раньше, многим раньше своих современников, - что и привело его к участию в восстании 14 декабря 1825 г.

Александр, второй по старшинству из пяти братьев Бестужевых, родился 23 октября 1797 г. в Петербурге. Всего в семье было 8 детей, и между старшим братом Николаем (1791) и Александром родилось подряд три дочери – Елена, Мария и Ольга, а затем, также один за другим, появились на свет Михаил (1800), Пётр (1804) и Павел (1808). Отец Александр Федосеевич был на рубеже веков одним из самых образованных людей в Петербурге, и по тем временам взглядов придерживался весьма передовых. Его жена Прасковья Михайловна вышла из мещанской среды. В доме собирались люди самых разных профессий, занятий и сословий, велись откровенные разговоры, в том числе довольно либеральные. Не случайно, что четверо из братьев Бестужевых приняли участие в восстании декабристов, а пятый, самый младший, тоже был сослан, хотя следствие и не доказало его участия в заговоре.

С десяти лет Александр учился в Горном корпусе, старейшем в России (год основания 1773) и втором в Европе (после Фрайбергской горной академии) специализированном горно-геологическом учебном заведении. Но курса не окончил и поступил на военную службу. Служил в лейб-гвардии Драгунском полку, размещавшемся в Петергофе. Часть парка называлась Марли, по имени одной из резиденций французских королей под Парижем, разрушенной во время Великой французской революции. Поэтому поэт выбрал псевдоним «Марлинский», напоминающим о месте его службы. Затем несколько лет он служил адъютантом директора Главного управления путей сообщения (сначала А.А. Бетанкура, потом герцога Александра Вюртембергского) и в это время познакомился со многими литераторами разных направлений – А.А. Дельвигом, Е.А. Баратынским, Н.И. Гнедичем, а также с Ф.В. Булгариным, почти одновременно с которым Бестужев-Марлинский и начал свою литературную деятельность. Сначала это были небольшие стихи и короткие рассказы, потом повести. Вместе с К.Ф. Рылеевым, еще одним поэтом-декабристом, начал выпускать альманах «Полярная звезда», продолжая при этом службу и имея чин штабс-капитана.

В это время Бестужев активно переписывался с А.С. Пушкиным, вполне органично войдя в круг лучших русских литераторов. Очень популярны были его критические статьи - обзоры русской литературы, цитата из одной из них помещена в качестве эпитафии, и путевые очерки (например, о поездке в Ревель).

С января 1825 г. он стал членом Северного общества, а в восстании 14 декабря принял самое непосредственное участие, приведя на площадь Московский полк. После разгрома восстания скрылся с Сенатской площади, но на следующий день «..явился сам к стопам государя императора; с самого начала признался чистосердечно и первый сделал важное открытие о тайном обществе» (Восстание декабристов, т.17, 1980, материалы Верховного уголовного суда, с.116).

Из Петропавловской крепости, куда помещали арестованных, он написал большое письмо императору Николаю о путях улучшения экономического и социального положения в России. Например: «Финансы же поправить уменьшением в треть армии и вообще всех платных и ненужных чиновников. Что же касается до внешней политики, то действовать открыто, жить со всеми в мире, не мешаясь в чужие дела и не позволяя вступиться в свои, не слушать толков, не бояться угроз, ибо Россия самобытна и может обойтись на случай разрыва без пособия постороннего. В ней заключается целый мир...». Текст содержит довольно жёсткую критику, «...ибо долг верноподданного есть говорить монарху правду без прикраски», но заканчивается так: «Я не сомневаюсь по некоторым признакам, проникнувшим в темницу мою, что Ваше императорское величество посланы залечить беды России, успокоить, направить на благо брожение умов и возвеличить отечество. Я уверен, что небо даровало в Вас другого Петра Великого... более, чем Петра, ибо в наш век и с Вашими способностями, государь, быть им - мало».

Это не помогло, также как и признание вины и раскаяние. Решением Верховного уголовного суда от 5 июля 1826 г. преступление Бестужева было отнесено к 1-му разряду и состояло в том, что он «...умышлял на цареубийство и истребление императорской фамилии, возбуждал к тому других, соглашался также и на лишение свободы императорской фамилии, участвовал в умысле бунта привлечением товарищей и сочинением возмутительных стихов и песен, лично действовал в мятеже и возбуждал к оному нижних чинов». Наказание – смертная казнь отсечением головы, затем заменённая для преступников первого разряда вечной каторгой. Но Бестужеву, «во уважение того, что лично явился к его императорскому величеству с повинной головой», наказание заменили на 20 лет каторги и затем ссылку на поселение. Через месяц срок каторги сократили до 15 лет и отправили в крепость Роченсальм на месте современного города Котка в юго-восточной Финляндии, где он провёл несколько месяцев в форте «Слава» на о. Кукоури (форт не сохранился) и в крепости Свартхольм (современная Ловийса). Возможно, впечатления о Финляндии легли в основу стихотворения «Финляндия», написанного в 1829 г.:

Я видел вас, граниты вековые,
Финляндии угрюмое чело,
Где юное творение впервые
Нетленную развалиной взошло.
Стряхнув с рамен балтийские воды,
Возникли вы, как остовы природы!

Там рыщет волк, от глаза свирепя,
На черепе там коршун точит клев,
Печальный мох мерцает следом змея,
Трепещет ель пролетом облаков;
Туманы там — утесов неизменной
И дышат век прохладой осенней.

Не смущены долины жизни шумом;
Истлением седеет дальний бор;

Уснула тень в величии угрюмом
На зеркале незыблемых озер;
И с крутизны в пустынные заливы,
Как радуги, бегут ключи игривы.

Там силой вод пробитые громады
Задвинули порогом пенный ад,
И в бездну их крутятся водопады,
Гремучие, как воющий набат;
Им вторит гул — жилец пещеры дальней,
Как тяжкий млат по адской наковальне.

Я видел вас! Бушующее море
Вздыхало в губительный потоп
И, мощное в неодолимом споре,
Дробилося о крепость ваших стоп;
Вам жаркие и влажные перуны
Нарезали чуть видимые руны.

Я понял их: на западе сияло
Светило дня, златя ступени скал,
И океан, как вечности зеркало,
Его огнем живительным пылал,
И древних гор заветные скрижали
Мне дивные пророчества роптали!

16 января 1829

Но Николай I не забыл явки с повинной, отменил каторжные работы, и специальным повелением Бестужев отправлен на поселение в Якутск, куда его повезли 6 октября 1827 г. Довольно быстро, меньше чем за три месяца он преодолел «девять тысяч верст по самой плохой дороге, в самую распутицу» и прибыл в Якутск в конце декабря. Маршрут проходил через Вятку, Пермь, Екатеринбург, Тобольск, Красноярск, Иркутск и далее, видимо, по зимней дороге по льду реки Лены.

В Якутске поэт жил до июля 1829 г., когда было удовлетворено его прошение о переводе в действующую армию на Кавказ. Он изучал быт и обычаи якутов, написал на этом материале балладу «Саатырь», фрагмент которой мы помещаем здесь.

.....
Наутро, где Лена меж башнями гор
Течет под завесой туманов
И ветер, будя истлевающий бор,
Качает гробами шаманов,
При крике родных Саатырь принесли
В красивой колоде кедровой,
И тихо развесистое лоно земли
Сомкнулось над жертвою новой
И девы и жены, и старый и млад
В улус потекли, озираясь назад.

Вскипели котлы, задымилась кровь
Коней, украшения стада,
И брызжет кумыс от широких краев,
Он - счастья и горя услада;
И шумно кругом, упоенья кумир,
Аях пробегает бездонный;
Уж вянет заря, поминательный пир

Затих. У чувала склоненный
Круг сонных гостей возлежит недвижим,
Лишь в юрте, синяя, волнуется дым.

Осыпаны кудри цветных тальников
Росинками ночи осенней,
И вышита зелень холмов и лугов
Узором изменчивых теней;
Вот месяц над теменем сумрачных скал
Вспрянул кабаргой златогорой,
И луч одинокий по Лене упал
Виденьям блестящей дорогой:
По мхам, по тропам заповедных полян
Мелькают они сквозь прозрачный туман.

Что крикнул испуганный вран на скале,
Блюстителю безмолвия ночи?
Что искрами сыплют и меркнут во мгле
Огнистые филина очи?
Не адский ли по лесу рыщет ездок
Заглохшею шаманскою тропкой?
Как бубен звуча, отражаемый скок
Гудит по окрестности робкой...

.....

Ему принадлежит очень яркое описание половодья на реке Лене: «Сначала сердитая река, протекая между багровых скал, громоздит льдины на льдины. Как пловучие острова быстро несутся они по течению... Упираясь в тесных берегах, они образуют природную плотину; настигающий лед лезет выше и выше, нижний оседает до дна: река вздувается, бушует - и вдруг прорывается хлябь водопадами, у коих каждый вал - ледяная громада... Так катят в море льды свои сибирские реки, изменяя ложе, срывая и пересыпая острова. Но скоро очищаются они от льду и плавуна, и тогда молчание прерывается только криком гусей, летящих в поднебесье; только подмытая сосна, падая с крутизны, на миг ломает зеркало водное, на миг пробуждает эхо. Быстро, но незаметно влечет вас течение в ворота гор, отражаясь от одной до другой щеки утесов. Вершины их обросли кедрами и елями, березы вьются по расселинам, и затопленный тальник купает в струях кудри... Как диво встречаете вы человека в этом царстве запустения» (цитата по Л. Чуковской, 1951).

Водопаду Станового хребта, отделяющего Якутию от Амурской области, Бестужев посвятил стихотворение «Шебутуй»:

Стенай, шуми, поток пустынной,
Неизмеримый Шебутуй,
Сверкай от высоты стремнинной
И кудри пенные волнуй!

Туманы, тучи и метели,
На лоне тающих громад,
В гранитной зыбля колыбели,
Тебя перунами поят.

Но, пробужденный, ты, затворы
Льдяных пелен преодолев,
Играя, скачешь с гор на горы,
Как на ловитве юный лев.

Как летопад из вечной урны,
Как неба звездомлечный путь,
Ты низвергаешь волны бурны
На халцедоновую грудь;

И над тобой краса природы,
Блестя, как райской птицы хвост,
Склоняет радужные своды,
Полувоздушных перлов мост.

Орел на громовой дороге
Купает в радуге крыле,
И серна, преклоняя роги,
Глядится в зеркальной скале.

А ты, клубя волною шибкой,
Потока юности быстрей,
То блещешь солнечной улыбкой,
То меркнешь грустию теней.

Катись под роковую силой,
Неукротимый Шебутуй!
Твое роптанье — голос милой;
Твой ливень — братний поцелуй!

Когда громам твоим внимаю
И в кудри льется брызгов пыль —
Невольно я припоминаю
Свою таинственную быль...

Тебе подобно, гордый, шумной,
От высоты родимых скал,
Влекомый страстию безумной,
Я в бездну гибели упал!

Зачем же моего паденья,
Как твоего паденья дым,
Дуга небесного прощенья
Не озарит лучом своим!

О, жребий! если в этой жизни
Не знать мне радости венца —
Хоть поздней памятью обрызгни
Могилу тихую певца.
Май 1829

В Якутске Бестужев встретился с немецким географом и геофизиком Георгом Эрманом (1806-1877), совершавшим кругосветное путешествие через Сибирь, и по его поручению вёл наблюдения за атмосферным давлением (видимо, параллельные отсчёты давления во время барометрического нивелирования). Позже Эрман рассказал про встречу с Бестужевым немецкому поэту А. Шамиссо (тоже, кстати, участнику русской кругосветной экспедиции О.Е. Коцебу в 1815-18 гг. на бриге «Рюрик»). Рассказ произвёл на Шамиссо глубокое впечатление, и тот написал об этом стихотворение «Бестужев», вошедшее потом в поэму «Изгнанники».

Метеорологические наблюдения вели в ссылке многие декабристы. Бестужев занимался ими недолго, но это требовало постоянного наблюдения за небом, и поэтому отразилось в его стихах. Мы помещаем здесь одно из «метеорологических» стихотворений Бестужева якутского периода.

Дождь

Провиденья перст незримой,
Облаков летучих вождь,
Ниве, жаждою томимой,
Посылает шумный дождь.
Звучно, благостью обильный,
Брызнул ток живой воды,
Освежая злаки пыльны
И замершие плоды.
Вот и радуга завета
Капли светлые зажгла:
То улыбка бога света —
Сень бессмертного чела.

<1829>

Из Якутска поэт выехал лишь в июле, но уже в середине августа прибыл в Тифлис. Сначала его зачислили рядовым в 41-й егерский полк (Ахалцихе), затем в Дербентский гарнизонный батальон, который принимал активное участие в стычках с горцами. За храбрость и отличие в боях в 1835 г. произведён в унтер-офицеры, потом в прапорщики Черноморских линейных батальонов (Гагра).

Боевая работа не могла помешать ему писать. Написанные на Кавказе повести «Аммалатбек», «Фрегат Надежда», «Мореход Никитин» (посвящена событиям англо-русской войны 1808-1812 гг. на Белом море), "Лейтенант Белозор", "Мулла-Нур" принесли Бестужеву-Марлинскому настолько громкую славу, что она несколько лет затмевала славу самого Пушкина, творчество которого как раз подвергалось в те годы несправедливой критике. Прекрасные описания природы Дагестана и Грузии соседствуют у Бестужева с описаниями боевых действий, в числе которых были и неудачные. Так, после одного из поражений 1831 г. при подавлении восстания имама Гази-Мухаммеда, когда потери русских составили 500 человек, он пишет о русской армии: «Кроме взяток, ничего не знают и не хотят». Но часто описания боёв ведётся в весьма верноподданническом тоне, с непрерывными славословиями в адрес императора Николая. Так в его текстах по-прежнему сочетались верноподданнические чувства с умением «говорить правду без прикраски».

В армии широко была известна храбрость Бестужева. Он участвовал во многих стычках и боях и был убит в одном из них, во время десанта 7 июля 1837 г. на мыс Адлер. Тело поэта не найдено, и могилы его не существует.

Успешный и самобытный писатель, один из «столпов» русского романтизма, Александр Бестужев-Марлинский сочетал в себе много противоречивых черт. Борец с самодержавием и республиканец; сосланный декабрист, преданный тем не менее царю; критик армейских нравов и одновременно автор агитационной «адлерской песни», написанной им за два дня до гибели в бою. Во всем, что он видел и о чем писал, ему виделись пути, ведущие к процветанию России, и поэтому Бестужев-Марлинский останется в истории литературы как поэт-патриот, который любил свою страну и погиб за нее.

Адлерская песня

Плывет по морю стена кораблей,
Словно стадо лебедей, лебедей.
Ай, жги, жги, жги, говори,
Словно стадо лебедей, лебедей.

Посмотрите, Адлер-мыс недалеко,
Нам его забрать славно и легко.
Ай, жги, жги, жги, говори,
Нам его забрать славно и легко.

Волны по морю кипят и шумят,
Меж собою таку речь говорят —
Ай, жги, жги, жги, говори —
Меж собою таку речь говорят:
«Уж зачем это наши корабли,
Как щетиною, штыками поросли?
Ай, жги, жги, жги, говори,
Как щетиною, штыками поросли?»

Уж не будет ли турецкая кровь
Нас румянить по-старому вновь?
Ай, жги, жги, жги, говори,
Нас румянить по-старому вновь?»

Тучи по небу летят и шумят,
Меж собой они речь говорят —
Ай, жги, жги, жги, говори —
Меж собой они речь говорят:

«Для чего полны солдат корабли,
У орудий курятся фитили?
Ай, жги, жги, жги, говори,
У орудий курятся фитили?»

Уж недаром слетаются орлы,
Как на пир, на черкесские скалы.
Ай, жги, жги, жги, говори,
Как на пир, на черкесские скалы».

Паруса надуваются, шумят,
Что на палубах солдатушки сидят.
Ай, жги, жги, жги, говори,
Что на палубах солдатушки сидят.

Им ефрейторы делают наряд,
Усачи молодым говорят —
Ай, жги, жги, жги, говори —
Усачи молодым говорят:

«Ей вы, гой еси кавказцы-молодцы,
Удальцы, государевы стрельцы!
Ай, жги, жги, жги, говори,
Удальцы, государевы стрельцы!»

Каждый гоголем встряхнись, встрепенись,
Осмотри ружье да в шлюпочки садись.
Ай, жги, жги, жги, говори,
Осмотри ружье да в шлюпочки садись.
С кораблей врагам пару поддадут,
Через головы там ядра заревут.
Ай, жги, жги, жги, говори,
Через головы там ядра заревут.

А чуть на мель, мы вперед, усачи,
Сумы в зубы, в воду по пояс скачи!
Ай, жги, жги, жги, говори,
Сумы в зубы, в воду по пояс скачи!

Вражьи пули не считай, не зевай,
Мигом стройся, да команды ожидай.
Ай, жги, жги, жги, говори,
Мигом стройся, да команды ожидай.

И придет вам потешиться пора —
Дрогнет Адлер от солдатского ура.
Ай, жги, жги, жги, говори,
Дрогнет Адлер от солдатского ура.

Беглым шагом на завал, на завал,
Тому честь и крест, кто прежде добежал.
Ай, жги, жги, жги, говори,
Тому честь и крест, кто прежде добежал.

В рукопашную пали и коли,
И вали, и усами шевели.
Ай, жги, жги, жги, говори,
И вали, и усами шевели.

Нам похвально, гренадеры, егеря,
Молодцами умирать за царя.
Ай, жги, жги, жги, говори,
Молодцами умирать за царя.

Нам не диво, гренадеры, егеря,
Пить победную чару за царя.
Ай, жги, жги, жги, говори,
Пить победную чару за царя».

5 июня 1837,
на 44-пушечном фрегате «Анна»